

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Статья / Article

УДК / UDC 111 (470)

Метафизика российского общества: идейные конструкции, институциональные конфигурации и современные познавательные сдвиги

М. М. Мchedlova

*Российский университет дружбы народов,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
Москва, Российская Федерация*

Введение. Неопределённость онтологических конструкций современности коррелирует с практическим исчерпанием гносеологического потенциала универсалистского метанарратива Модерна и связанных с ним когнитивных и политико-институциональных установок. Недостижимость в обозримой перспективе консенсусной объяснительной парадигмы, возникновение новых референциальных значений философских и политических универсалий, имплицитно требует обращения к нелинейным методологическим подходам. Несоответствие референтов российского общества доминировавшим нормативным теориям и дискурсам, отражавшим европейский исторический опыт, породил идейные конструкции и целеполагание, полярно расходящиеся в оценке статуса и специфики России как субъекта истории.

Материалы и методы. Методологическое признание несводимости к единому знаменателю вариантов социально-политического развития и необходимости нелинейной оптики рефлексии выступило основным теоретическим посылом. Множественность понятийного и содержательного соотношения универсальности и партикулярности, признание онтологичности многообразия применялись для интерпретации диверсификации вариантов политического развития, отличной от нормативной. Спектр концептуальных положений, формирующих философскую канву исследования социально-политической онтологии России, выступил спекулятивной основой и дискурсивным подтверждением. Достоверность и проверяемость теоретических умозаключений основаны на обращении к данным социологических исследований ФНИСЦ РАН, ФОМ, а также на референтной базе текущего событийного ряда, что обусловило практическую привязку теоретических конструкций к реалиям российской политики.

Результаты исследования. Метафизика российского общества, преломляемая в политических коннотациях, симультанно интерпретируется посредством двух логик: линейно-нормативной и самобытной. Экспликативный уход от оценочных суждений, подтверждает неэффективность интерпретации российской специфики политического развития в рамках модернизационной парадигмы. Идейные конструкции взаимоотношений государства и общества, логика и прагматика политических и социальных изменений должны рассматриваться как продукт специфических исторических обстоятельств. Партикулярные проекции политических рамок взаимоотношения властных и религиозных институтов в России, включая полноту субъектности институтов и императивы политической метафизики, отражают институциональные параметры российской специфики властного баланса и вариативность будущего.

Выводы. Метафизика российского общества предопределяет параметры и воспроизводимость политических конструкций взаимоотношения государства и общества, порождая множественность стратегий и целеполагания, несводимых к единому знаменателю. Отражением онтологии российского общества выступает специфический институциональный каркас, атрибутом которого является тенденция к монополизации и концентрации власти в руках государства. Логика воспроизводства данных параметров на примере взаимоотношений государства и религиозных институтов, налагаясь на всеобщность современных изменений традиционных политических, институциональных и социокультурных параметров мира и способов рефлексии, ставит вопрос о диверсификации путей свершения политического процесса не в режиме «девиаций», а в рамках онтологического многообразия.

Ключевые слова: метафизика, методология, эпистемология, референции, современность, политика, власть, государство, Россия, нормативность, партикуляризм, религия.

Для цитирования: Мchedlova M. M. Метафизика российского общества: идейные конструкции, институциональные конфигурации и современные познавательные сдвиги // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2020. – № 3. – С. 59–79.

Metaphysics of Russian society: Ideological constructions, institutional configurations and contemporary cognitive shifts

Maria M. Mchedlova

*RUDN University,
Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology,
Moskva, Russian Federation*

Introduction. The vagueness of modern ontological constructions correlates with the practical exhaustion of the gnoseological potential of the universalist metanarrative of Modernity and the cognitive and political-institutional parameters associated with it. The unattainability of a consensual explanatory paradigm in the foreseeable future, the emergence of new referential meanings of philosophical and political universals, replicates the necessity of nonlinear methodological approaches. The inconsistency of the referents of Russian society with the dominant normative theo-

ries and discourses that reflect the European historical experience led to the emergence of ideological constructions and goal-setting, significantly different in assessing the status and specificity of Russia as a subject of history and its political institutional framework.

Materials and methods. The main methodological idea of the article is that socio-political development options cannot be reduced to a single denominator and nonlinear optics of reflection are required. The plurality of the conceptual and substantive correlation of universality and particularity, the recognition of the ontological nature of diversity were used to interpret the diversification of political development options, different from the normative. The range of conceptual provisions that form the philosophical framework for the study of the socio-political ontology of Russia served as a speculative basis and discourse confirmation. The reliability and verifiability of theoretical conclusions are based on the data of sociological studies of the FNISTS RAS, Public Opinion Foundation (FOM), as well as the reference base of the event series formed, which contributed to the practical application of the theoretical constructions to the realities of Russian politics.

Results. The metaphysics of Russian society, refracted in political connotations, is simultaneously interpreted by means of two logics: linear-normative and distinctive. The explicative departure from value judgments confirms the ineffectiveness of interpreting Russian specifics and political development within the framework of the modernization paradigm and the inorganic nature of political practice. The political structures of state-society relations, the logic and pragmatics of political and social transformations should be considered as the product of specific historical circumstances. Particular projections of the political framework of the relations between the power and religious institutions in Russia, including the comprehensiveness of the subjectivity of institutions and the imperatives of political metaphysics, reflect the institutional parameters of the Russian specifics of power balance distribution and the variability of the future.

Conclusions. The metaphysics of Russian society predetermines the parameters and reproducibility of political structures of state-society relations, reflecting the multiplicity of strategies and goal-setting, which cannot be reduced to a common denominator. The specific institutional framework, an attribute of which is the tendency towards monopolization and concentration of power in the hands of the state, reflects the ontology of Russian society. The reproduction logic of these parameters on the example of the relations between the state and religious institutions, imposed on the universality of modern changes in the traditional political, institutional and sociocultural parameters of the world and the methods of reflection, raises the question of how the ways of accomplishing the political process can be diversified not in the logic of “deviations”, but within the framework of ontological diversity.

Key words: metaphysics, methodology, epistemology, modernity, politics, power, state, Russia, normativity, particularism, religion.

For citation: Mchedlova, M. M. Metafizika rossiiskogo obshchestva: ideinye konstruktsii, institutsional'nye konfiguratsii i sovremennye poznavatel'nye sdvigi [Metaphysics of Russian society: Ideological constructions, institutional configurations and contemporary cognitive shifts]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. pp. 59–79. (In Russian).

Введение

Вопрос: «можно ли понять российское общество, не исследуя его специфику?» [1] – в своей предельной глубине основан на неисчерпанности эвристического потенциала спора между западниками и славянофилами. Интерпретации современных событий (от сущности реформ и модернизационного процесса до поисков параметров национального проекта или контуров ценностного консенсуса), аргументация предпочтительности конфигураций взаимоотношений государства и общества, анализ текущих прецедентов – воспроизводят логику апелляции к вариантам решения ключевого вопроса: о специфике российского общества.

От ответа на данный вопрос зависит выбор используемых концептуальных схем и понятийных конструкций, а также формирующийся вокруг них дискурс. Этот дискурс определяет политическую прагматику, наполнен противоречивыми суждениями и вызывает разнонаправленную реакцию, его полемичность и злободневность часто препятствует непредвзятому объективному анализу.

Поэтому представляется возможным рассмотреть проблематику российского общества в ракурсе его *метафизики*, то есть выявляя базовые основы и смыслы, константные идейные конструкции и институциональные конфигурации, соотнося это с возможностями современного социального познания.

Материалы и методы

Гносеологическая проекция спора о специфике российского общества включает ряд положений, в которых можно выделить некоторые, расставляющие познавательные акценты, политические коннотации. Линейные теории Просвещения, основанные на референтах и референциях западного опыта, включают не только признание уникальности «русского пути», но и его универсализацию, выражающуюся также в дискурсивной нормативности.

Данные операциональные схемы используют понятийный инструментарий с различными референтами и сигнификативно различными знаками, не всегда распространяемыми на денотаты, содержащиеся в иных социокультурных или онтологических реалиях. Реактивность отечественного гуманитарного знания и отсутствие интерпретативного, критериального и идейно-мировоззренческого консенсуса также обуславливает вариативность и ограничения познавательных процедур¹.

---

¹ На этом настаивал В. О. Ключевский: «Русская мысль стала в особо {не}нормальное отношение к русской действительности. Ум образованного русского человека напитался значительным запасом политических и нравственных идей; эти идеи не были им выработаны, а

Эмпирическая фиксация событийного ряда собственно российского политического развития, казалось бы, должна предполагать определенную «картину мира». Однако идейные расхождения о «субстанции» социально-политического бытия России не позволяют выйти за рамки сложившихся западных концептуальных парадигм, а предложения о выстраивании теории «от референта» тут же порождают обвинения в приверженности «особому пути» в самых отрицательных смыслах.

В то же время, тенденции современности, атрибутом которой становятся всеобъемлющие и очень быстрые изменения, когда «указатели поставлены на колеса и имеют дурную привычку исчезать из вида прежде, чем вы успеете прочитать то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить соответственно» [2, с. 113–114], все менее поддаются объяснению с точки зрения классических теорий. Соответственно, налицо насущная потребность в новых концептуальных логиках, использующих иные понятия и категории, способные описать, объяснить и структурировать эти трансформации. Исчерпание методологической действенности классических подходов не только поставило вопрос о «тупике развития гуманитарного знания», но и породило ситуацию, когда сегодня теоретический подход становится тождественным методологии [7].

Катализаторами происходящих эпистемологических сдвигов становятся инверсия и диффузия политических и неполитических сфер [32], инкорпорация социокультурного фактора в познавательные схемы политики. Это привело к расширению традиционной институциональной парадигмы, фиксируя исчерпание монополии западных линейных нарративов Модерна¹ и перераспределение балансов аргументации в частном случае современных баталий западников и славянофилов.

Безусловно, принятие той или иной стороны (идей) определяет выбор гражданской позиции на личном уровне и стратегию развития всей страны в государственных масштабах. Эпистемологическая неадекватность генерализации западного опыта в концептуальном пространстве и в инструментальной политике определяется онтологическими противоречиями между политическим метанарративом Модерна и социокультурным плюрализмом современности, между моралью и правом, свободой и справедливостью, а также внутренней разнородностью и нелинейностью современного социокультурного и институ-

---

были заимствованы со стороны. Запас... нам чужд, потому что мы в него не делаем никакого вклада, он достался нам по хронологической случайности. Идеи политические и нравственные составляли один порядок; жизнь, отношения, которые установились в русском обществе, составляли другой порядок, и не было никакой связи между тем и другим» [16, с. 280].

¹ Подробно о современных методологических подходах см.: [21].

ционального разнообразия порождающего неэффективность традиционных иерархий и алгоритмов управления.

Мир как «лоскутное одеяло» (Э. Гидденс) выступает источником растущей международной напряженности, поскольку экономически и ценностно все более дифференцирован и неоднороден [8]. Можно констатировать, что смыслонаделяющим вектором и одновременно легитимирующим фактором выступают не референции «Третьей волны», имеющей «собственные представления о мире, со своими собственными способами использования времени, пространства, логики, причинности» [28, с. 34], а плюральные основания социокультурного многообразия.

Ключевой интенцией политических практик и дискуссий относительно видоизменения референтов понятий и смыслов социальности выступает плюрализация действительности и, соответственно, равноположенность вариантов социально-политического развития, индуцирующая проблематичность универсально-применимой концептуальной схемы, упорядочивающей и объясняющей реальность, исходя из единых принципов.

Универсализм и партикуляризм как ключевое онтологическое соотношение задают основные вопросы: о положительном или отрицательном воздействии традиций на современный мир; о признании необходимости культурных норм и ценностей, обеспечивающих существования общества. Акцентация социокультурной доминанты как фактор, толкающий к необходимости переосмысления социально-политической субстанции современного мира, педалирование в научных исследованиях и политических заявлениях цивилизационного дискурса коррелируют с изменениями в познавательных и методологических координатах гуманитарного знания, одновременно выступая их причиной.

Одной из сущностных и ярко звучащих проблем стал выход на авансцену религиозных интенций, что не только инициировало и диверсифицировало научный поиск, но и поставило вопрос о выработке новых политических и управленческих стратегий.

Религиозные референции современности, денотаты и сигнификты понятий, входящих в интерпретативный пул соответствующих теорий, становятся размытыми и неопределенными, в нынешних условиях порождая новые значения, противоречащие классическим устоявшимся представлениям и императивам [33]. Да и сама «религиозная вера теперь все труднее вписывается в догматические рамки институциональных религий» [31, с. 255].

В инструментальной политике это вызывает нескончаемое количество прецедентов и случаев, объяснение которых возможно прежде всего «ad hoc», а также вторжение политики в ранее маргинальную для нее область «церковной ограды», в сферу эстетического самовыражения или духовных исканий трансценденции.

Очень показательны такие сюжеты проявились в докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по теме «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина», вызвавшим различные оценки как у специалистов-религиоведов, так и в общественных дискуссиях. Авторы доклада считают нарушением права на свободу совести вмешательство государства в регулирование жизни внутри церковной ограды в период пандемии COVID. Например, это требования со стороны главных санитарных врачей ряда субъектов РФ (в частности в Москве, Брянской, Кемеровской, Московской Оренбургской областях, Республиках Калмыкия, Карелия, Удмуртской Республике) о приостановлении посещения гражданами зданий, сооружений, территорий, подведомственных или принадлежащих религиозным организациям, о закупке и использовании религиозными организациями одноразовых принадлежностей и посуды (ложек) во время совершения религиозных обрядов, в частности, таинства Евхаристии.

«В первом случае главные санитарные врачи фактически предписывают религиозным организациям прекратить уставную деятельность по совместному исповеданию и распространению веры, во втором – грубо нарушают конституционный принцип невмешательства государства в деятельность религиозных объединений, посягая, тем самым, на автономию религиозных объединений в вопросах внутриконфессиональных правил совершения религиозных обрядов»¹.

В острой и эмоционально окрашенной дискуссии о способах принятия Святых Даров в период пандемии, о форме литургической жизни, проявились все противоречия между новыми религиозными референциями, традиционными смыслами и рефлексивными способами описания реальности, что привело к разнообразным ответам: от очень жесткого и фундаменталистского ответа в виде «ковид-диссидентства» в Церкви, специфической фронды низвергнутого из сана о. Сергия (Романова), до изменения алгоритмов церковной вертикали.

---

¹ Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по теме «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина» // Официальный сайт Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. [Электронный ресурс]. URL: http://president-sovet.ru/documents/read/687/#_ftn16 (дата обращения 21.07.2020).

Результаты исследования

Обращение к метафизике взаимоотношения институтов власти и религиозных институтов в России сталкивается с отмеченными трудностями, осложненными деликатностью темы и наличием диаметральных подходов в идейном и, как следствие, – управленческом пространстве. Рефлексия в этой области сталкивается, с одной стороны, с доминировавшей традиционной теоретической парадигмой, во многом определяемой параметрами модернистского и неолиберального дискурса, с другой стороны, – с акцентацией охранительских императивов, накладывающих отпечаток на проводимые в России реформы. От этого размывается и без того невнятная логика и философия целеполагания и направленности реформирования общества.

Можно констатировать, что подобная ситуация характерна для России. Оценивая стратегию реформ Петра Первого, являющихся определенным аттрактором нашей истории, центральным фокусом философской и политической мысли, В. О. Ключевский образно заметил: «реформа пронеслась над народом, как тяжелый ураган, всех напугавший и для всех оставшийся загадкой» [15, с. 215]. По мнению М. М. Сперанского, самой трагической чертой отечественных реформ была их порывистость, переменчивость, незавершенность:

«История России со времен Петра Первого, представляет непрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому. Сие непостоянство или, лучше сказать, недостаток твердых начал, был причиною, что доселе образ нашего правления не имеет никакого определенного вида, и многие учреждения, в самих себе превосходные, почти столь же скоро разрушались, как возникали» [24, с. 17].

Современность, породившая новую логику власти и видоизменение политической онтологии [18], привела к концептуальной революции, размывающей линейную референцию понятия модернизации, как универсального смысла политического развития, заложенного в политическую телеологию, свидетельствуя о нелинейности референтов.

Традиционная логика модернизационного процесса, согласно которой социально-экономические прогрессивные изменения ведут к политическим трансформациям, а затем и к изменениям ценностно-мотивационных параметров, замещается вариативностью путей развития. Политические конструкции взаимоотношений государства и общества следует рассматривать как продукт конкретных социальных обстоятельств, а не как «тождество» или «девиацию» по отношению к единственному, раз и навсегда данному образцу. Политические императивы и институты не являются универсальными, пригодными в одинаковой мере для всех эпох и народов.

Для воспроизводства политической организации референтной модели недостаточно репродукции институциональной структуры референтного общества: необходима реконструкция соответствующей желаемой ментальности и соответствующих желаемых моделей политического участия и, что особенно важно, самосознания [6, с. 101–102].

Вновь обращаясь к отечественной истории, можно зафиксировать, что начало каждого реформирования предваряло обсуждение различных образцов развития западных стран. И правительство взяло за правило начинать разработку всякого законопроекта с изучения дел на Западе, составления записки, резюмирующей и оценивающей зарубежный опыт [5, с. 306]. Как пишет Г. Флоровский применительно к церковной реформе середины XVII в.:

«... у Никона была почти болезненная склонность все переделывать и переоблачать по-гречески, как у Петра впоследствии страсть всех и все переодевать по-немецки или по-голландски. Их роднит также эта странная легкость разрыва с прошлым, эта неожиданная безытность, умышленность и надуманность» [29, с. 64].

Модернизация, в том числе и политическая, становится нелинейным процессом, а видение ее перспектив теряет свою однозначную нормативность и представляет собой широкий спектр решений, на полюсах которого находятся следующие позиции: либо замещение традиционных ценностей современными в результате модернизации, либо сохранение и акцентация традиционализма, влияние традиционной структуры ценностей на политическую систему [14, с. 172].

В данной нелинейной логике, сложившаяся модернизационная парадигма исследования воздействия религиозного фактора на общество и политику, настаивавшая на том, что постепенно «религиозное мышление, практика и религиозные институты утрачивают свое значение» [34, р. 14], утрачивает монополию на описание реальности, ставя под вопрос универсальную применимость теории секуляризации.

Исторический опыт свидетельствует, что логика и прагматика политических и социальных изменений в России не укладываются в классический модернизационный сценарий¹. Цели, способы и методы модернизации в России неизменно приобретают политическое звучание: политические цели являются катализатором модернизации, политические методы ее осуществления являются основным рычагом, политическая власть выступает инициатором и субъектом модернизации [19].

---

¹ Так, например, отсутствие достаточных предпосылок для диалога, необходимого для осуществления грандиозного замысла реформ Александра II, выразилось в ситуации, отмеченной В. О. Ключевским: «Дворяне боялись крестьян, крестьянство злобилось на дворянство, то и другое не питало ни малейшего доверия к правительству, а правительство боялось обоих» [16, с. 434].

При этом как перспективы модернизации, так и исторические ретроспективы становятся полем специфической идейной и политической конкуренции, воспроизводящей ключевые параметры аргументации западников и славянофилов, центрирующихся на определении статуса России как субъекта исторического творчества. По мнению П. Я. Чаадаева, «мы ничего не восприняли из преемственных идей человеческого рода», так как «проведение исключило нас из своего благодетельного действия на человеческий разум, всецело предоставив нас самим себе» [30, с. 43, 47]. В противоположность данной логике, Н. Я. Данилевский отмечал, что самобытность исторического опыта России дает повод сомневаться в целесообразности принятия западноевропейских стандартов политико-экономического и культурного развития [9, с. 57].

Сравнивая онтологию политического развития европейского и российского обществ, можно вычленить общее и особенное, универсальное и партикулярное в субстанциональных и атрибутивных параметрах.

Особый интерес представляет конфигурация взаимоотношений государства и общества, определяющая место и роль религиозных институтов в институциональном дизайне и властном балансе. Положение религиозных институтов в западном варианте обусловлено параметрами властных конструкций, когда (по словам П. Н. Милюкова) «европейское общество и государство строилось... снизу вверх» [17, с. 86]. Соответственно, импульсы модернизации в западном обществе исходили непосредственно от субъектов политического целеполагания. Диверсификация интересов определила диверсификацию субъектов политического целеполагания, выражавших потребности различных групп и слоев, а также выработала правила, механизмы и институты согласования интересов посредством диалога гражданского общества и политической власти, что привело к возникновению конфигураций общественного устройства, играющих в линейных модернизационных сценариях роль нормативных образцов для всего мира.

В отличие от европейского сценария, в России государство представляет собой монополярный политический субъект, являясь единственным проводником модернизации, что породило социальный оксюморон П. Струве «антиобщественность государства – антигосударственность общества» [27]. Не случайны и конституирующая общество идея державности, с сильной политической властью, способной консолидировать общественный потенциал в целях

сохранения национальной идентичности, и возложение на власть функции исторического смыслополагания. По мнению И. А. Ильина:

«Если принять во внимание данные русской истории – пространство, равнинность, большую отдаленность населенных пунктов один от другого, национальную и культурную дифференциацию, постоянную вынужденность вести войны, татарское иго..., то сразу же бросается в глаза, что у русских были достаточно веские основания... прибегнуть к централистски-объединительной авторитарной форме...» [12, с. 576]

Интенции авторитарных императивов как стержнеобразующие конструкции общественной организации в России находят выражение в монополизации власти, концентрация ресурсов, централизация властных полномочий. Это дало повод Н. А. Бердяеву настаивать, что Россия – «самая государственная и самая бюрократическая страна в мире, где все превращается в орудие политики» [4, с. 231].

Сложившаяся «патримониальная пирамидальная система» [13, с. 72] объясняет отсутствие горизонтальных социальных взаимосвязей и то, что именно властные структуры либо обеспечивают стабильность системы, либо дестабилизируют общество. А «милитаризация жизневоспроизводящих циклов» [11, с. 133] становится способом выживания и развития общества, обеспечиваемым центральной властью¹.

Примат политических императивов нашел выражение также в интересующей нас модели соотношения политической и религиозной власти – цезарепапизме, при котором церковные интересы подчиняются интересам государства, верховная государственная власть превращается в организационный центр религии, царю принадлежит абсолютная светская власть, а зачастую и жреческие функции.

Взаимоотношение государственных и религиозных институтов, встраиваемых в общественные и политические конструкции может быть рассмотрено сквозь призму распределения властного ресурса в отмеченной логике политического смыслополагания. Различия в метафизике взаимоотношений государства и общества (особенно, в модусе гражданского общества) определяют и различное положение религиозных институтов, и модель отношений между государством и религиозными объединениями.

---

¹ И. Л. Солоневич также считал, что и в будущем России, скорее всего, суждено балансировать между войной и миром, поскольку «все одиннадцать веков нашей истории мы находились или в состоянии войны или у преддверия состояния войны» [23, с. 43].

Политическая структура Европы формировалась на фундаменте, подготовленном христианской церковью, которая выступала как один из базовых элементов западной цивилизации. При разных отношениях со светской властью религиозные институты не утрачивали полностью своей независимости, сохраняя возможность влияния на общественные и политические процессы, на общественное сознание, формируя собственные проекты развития. Церковь как институт, находясь в пространстве политики как самостоятельный игрок, становилась политической организацией, демонстрирующей стремление к власти.

Секулярный проект – «идея отделения церкви от государства и абсолютно “частного” характера религиозной жизни» [27, с. 400], – позволил избежать подчинённого положения религиозных институтов по отношению к государству. С одной стороны, церковь как самостоятельный субъект, ограничивая своим влиянием государственную власть, одновременно формировала и усиливала государственность. С другой стороны, обладая политическим авторитетом, церковь могла рассматриваться если не альтернативой, то противовесом политической власти и государственным институтам. Выступая как активный субъект политического целеполагания, европейские религиозные институты способствовали потенциальному многообразию источников и субъектов развития и, как следствие, преодолению концентрации властного ресурса в одних руках.

В российской политической метафизике, предполагающей субстанциональное властное единство, религиозные институты изначально были не субъектом, а скорее инструментом политической целесообразности. Сам факт принятия христианства имел политический смысл: «решающее значение для национального самосохранения славянства» [27, с. 462]. Исходные параметры цезаропапизма обусловили тесное переплетение государства и религиозных институтов, а этатизация как доминирующий вектор политического развития привела к включению церкви в государственное администрирование. Согласно Н. А. Бердяеву, государственное православие все время религиозно обосновывало и укрепляло самодержавную монархию и государственную мощь [3, с. 135]. По мнению В. С. Соловьёва:

«Отечество пребывало единственной христианской страной, где национальное государство без оговорок утверждало свой исключительный абсолютизм, делая из церкви атрибут национальности, послушное орудие мирской власти, где устранение божественного авторитета не уравновешивалось даже свободой человеческого духа» [22, с. 224].

Объединение государственных и религиозных институтов под эгидой верховной власти не позволило религиозным организациям стать самостоятельными субъектами целеполагания и развития; «теократическая идея, являющаяся на католическом Западе действительно идеей церковной, является в православной России лишь идеей государственной» [26, с. 403]. Можно проследить событийную логику «срачивания престолов», в процессе которого происходили вытеснение религиозных институтов из пространства политической конкуренции и инкорпорация их в систему властной иерархии и государственного управления.

Концентрация властного ресурса в России пересекается с нестабильной монополией государства, чья интенциональность прерывалась кризисами государственности, что также накладывало отпечаток на онтологические параметры взаимоотношения церкви и государства в политическом пространстве. В определённые периоды именно церковь оказывалось тем универсальным институтом, который был способен сохранить и обеспечить выживаемость российского общества и культуры.

Точкой отсчета институционального подчинения церкви государству, наверное, можно считать высылку Великим князем Василием II Тёмным митрополита Исидора, подписавшего Флорентийскую унию. Ключевыми вехами огосударствления церкви можно считать: деятельность митрополита Ионы, при котором начинает оформляться тождественность церкви государству; убийство митрополита Московского и всея Руси Филиппа (Колычева), как четкая демонстрация отказа верховной властью признавать автономную субъектность церкви; введение Патриаршества в 1589 году, сделавшего церковь национальной, независимой от внешних политических игроков. Оформление модели полного подчинения церкви монаршей власти четко прослеживается в противостоянии Алексея Михайловича и патриарха Никона. Процесс политического подчинения религиозных институтов государственным окончательно был завершён решением Петра I ликвидировать патриаршество, ввести «коллегию» по делам духовным – бюрократический святейший Синод с обер-прокурором во главе.

«Превратившись из московского царства в петербургскую империю, Россия все же сохранила кесаро-папистский строй своей государственности. Оба меча, говоря в терминологии католического Запада, светский и духовный, остаются в руках верховного правителя России, но подчинение духовного меча светскому усиливается» [25, с. 601].

Эпоха Больших перемен – время революционных событий начала XX века в России, поколебав монопольное положение государства как единственного субъекта политики (чему способствовало также возникновение политических

партий) открыла возможность религиозным институтам приобрести собственную субъектность и начать конкурировать в политическом пространстве за более активное и самостоятельное положение. Этому предшествовал также ряд шагов, предпринятых самодержавием в ходе осуществления реформ и модернизации политического управления (Указ о веротерпимости Екатерины II, наделявший определенными гражданскими правами иноверцев; Манифест 1903 года, включавший в гражданско-правовое пространства подданных «инославных и иноверных» исповеданий и др.). Сразу после Октябрьской революции, решением Всероссийского Поместного собора 28 октября (11 ноября) 1917 г. было восстановлен институт Патриаршества, Патриархом стал митрополит Тихон (Беллавин).

Однако воспроизводящиеся закономерности концентрации властных ресурсов и вытеснения иных политических субъектов, претендующих на данный вид ресурса, привели к окончательному ослаблению политического веса церкви и иных религиозных институтов, отягощенному жестко секулярными и атеистическими идеями и методами.

Современное присутствие религиозных институтов в политическом пространстве России подчиняется взаимоналагающимся логикам: (1) повсеместного возвращения религии в публичные сферы, (2) симультанного наличия различных религиозных референций, (3) диверсификаций форм взаимопроникновения религиозных и политических сфер, (4) глубинной политической онтологией российского общества¹.

Отказ от универсализма логики секуляризации как одного из оснований метанарративов Модерна и от связанных с ним политико-институциональных параметров и стратегий, знаменовал поворот в объяснительных схемах политического и социального развития, в его критериях, институциональных, нормативных и экзистенциальных смыслах. Это позволило появиться термину «религиозное возрождение России», отразившему не только увеличение количества верующих, но и повышение значимости, авторитета и влиятельности религиозных институтов.

Подтверждением являются данные социологических опросов, на протяжении 25 лет фиксировавших высокий уровень доверия к Церкви как институту. При этом отмечался и сложившийся консенсус относительно того, что РПЦ скорее должна заниматься церковными делами и не вмешиваться в политику и сферу государственного управления. Однако исключить непосредственное воз-

---

¹ О многомерности религиозных смыслов в России подробнее см.: [23, с. 20].

действие РПЦ на политическую сферу, либо опосредованное, путем распространения авторитета на верующих и формирования определённых политических установок, было бы неверным. Исследования Центра «Религия в современном обществе» ФНИСЦ РАН позволяют вычленить закономерности динамики восприятия деятельности, легитимности и эффективности религиозных институтов в российском обществе, фиксируют общественно-одобряемые или отрицаемые конфигурации между светским и религиозным, степень проникновения религиозных смыслов в социально-политическую ткань [10].

Исчерпание эффективности традиционных институциональных и властных границ привело к переопределению статус-кво светских и религиозных акторов, что обусловило экспансию религиозного в общественную и политическую сферу, включение религиозных институтов в политическую и идеологическую конкуренцию на равных правах с другими субъектами политического целеполагания. Активное проникновение религиозных организаций в политическую, гражданскую, социальную сферы связано с увеличением и диверсификацией субъектного поля публичной политики, в которых религиозные организации могут использовать для артикуляции интересов и определенной деятельности свои основные ресурсы: социальное служение, солидарный потенциал, ценностно-нравственную нагруженность. В российских реалиях наиболее четко прослеживается данная тенденция в распространении целей и активности религиозных институтов в публичные сферы, ранее для них закрытые. Это сферы социальные, гражданские, эстетические, образования, форм и статуса семейно-брачных и гендерных отношений, ценностно-идеологические. Особо следует отметить политико-гражданскую и управленческую сферу, воздействие на которые религиозных смыслов и организаций осуществляется по двум широким каналам – институциональному и неинституциональному.

Однако, деятельность религиозных институтов в поле публичной политики, не только привела к перераспределению баланса в социальной и политической сферах, но и индуцировала нормативно-правовые коллизии, ценностные столкновения, указывающие на политическое напряжение в данной сфере. По данным ФОМ, в апреле 2020 г. на вопрос о согласии/несогласии с высказываниями и инициативами представителей РПЦ по различным общественно-значимым вопросам, 39% православных заявили, что чаще согласны, 19% – что чаще не согласны, тогда как среди атеистов обратное соотношение – 16% чаще согласны, а 32% – чаще не согласны¹.

---

¹ О влиянии РПЦ на разные сферы жизни страны 01.04.2020 / ФОМ / [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14371> (дата обращения: 17.07.2020).

Обозначившаяся в начале 1990-х годов возможность обретения политической субъектности религиозными институтами неизбежно привела к попыткам перераспределения властного ресурса и, как следствие, параметров государственно-конфессиональных отношений, и создала впечатление, что неопределённость современности и новые параметры мира, включая изменение онтологии политики, ее властных нарративов и несущих конструкций, станет ключом к актуализации данной возможности.

Тем не менее, сценарий взаимоотношений между государством и церковью в последнее время (вновь нестабильное и нелегкое) демонстрирует воспроизведение исторических алгоритмов взаимоотношений религиозных и властных институтов в России¹. Вызывающие большие общественные дискуссии кейсы², звучащие оценки «конца симфонии», четко акцентировали долго нараставший вопрос о переопределении акцентов в государственно-церковных отношениях, включая установление меры субъектности участников данных отношений в свете константных императивов метафизики российского общества.

Выводы

Метафизика взаимоотношений властных и религиозных институтов в России выступает фокусом исследовательского поиска, сопряжённого с ответом на вопрос о специфике российского устройства и о признании равноположенности путей общественного развития, связанных с недостаточностью объяснительного потенциала «западных» линейных нормативных теорий, задававших познавательные модели, параметры философского и политического целеполагания, инструментальные практики.

Существующая глубинная поляризация российских идейных ответов на вопрос о выборе пути и перспективе общества отражает сложившееся несоответствие референтной российской базы доминировавшим теориям, представлениям, нарративам, выступавшим в качестве ориентиров. «Конец знакомого мира» как породил методологические кризисы в гуманитарном знании, так и открыл возможности для теоретического, дискурсивного и политико-прагматического выхода за границы западного опыта и доминирования модернистского дискурса.

---

¹ Например, см.: Фаустова М., Мельников А. Коронавирусная фронда РПЦ быстро сменилась послушанием. 31.03.2020. НГ-Религии [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2020-03-31/9_484_russia.html (дата обращения: 17.07.2020).

² К последним следует отнести нечеткость позиции, стратегии и тактики Московского Патриархата и высшего священства во времена карантина из-за пандемии COVID, вызвавшего спектр политических последствий; непоследовательность действий власти и церкви по отношению к «Главному храму Вооруженных сил РФ»; доклад «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина» СПЧ при Президенте РФ и др.

Проблема соотношения универсализма и партикуляризма как ключевых онтологических параметров современности, решаемая в нелинейной оптике, позволяет признать диверсификацию путей свершения политического процесса не в логике «девиаций», а в рамках онтологического многообразия.

Частный случай – взаимоотношения властных и религиозных институтов в России, преломляемый сквозь призму истории и современности, актуализирует востребованность обращения к эвристическим и эпистемологическим возможностям политической метафизики. А современный спектр экзистенциальных, социальных и политических импликаций ставит вопрос о расщеплении вероятностей последующего развития.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Можно ли понять российское общество, не исследуя его специфику? // Pro et contra. – 2000. – Т. 5. – № 4. – С. 199–203.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для общества и человека / пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь мир», 2004. – 188 с.
3. Бердяев Н. А. Русская идея // Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. – М.: ЗАО «Сварог и К», 1997.
4. Бердяев Н. А. Судьба России // Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. – М.: ЗАО «Сварог и К», 1997.
5. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / редкол.: Б. В. Ананьич (отв. ред.) и др. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 800 с.
6. Гаман-Голутвина О. В. Новые измерения в понимании политической культуры: роль социокультурной составляющей // Россия в современном диалоге цивилизаций / отв. ред. А. В. Логинов. – М.: Культурная революция, 2008. – С. 99–116.
7. Гаман-Голутвина О. В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 5. – С. 19–42.
8. Гидденс Э. Последствия модернити / пер. с англ. // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 101–122.
9. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во «Глаголь», 1995. – XXXIV, 513 с.
10. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2018. – 384 с.
11. Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 384 с.
12. Ильин И. А. О русской культуре // Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. Кн. II. – М.: Русская книга, 1996.

13. Ильин М. В. Политическое самоопределение России // *Pro et contra*. – 1999. – Т. 4. – № 3. – С. 14–33.
14. Инглхардт Р. Модернизация и демократия // *Демократия и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века* / ред. В. Л. Иноземцев. – М.: Изд-во «Европа», 2010.
15. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 4 / под ред. В. Л. Янина. – М.: Мысль, 1989. – 398 с.
16. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 5 / под ред. В. Л. Янина. – М.: Мысль, 1989. – 476 с.
17. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2. – М.: Прогресс, 1994. – 491 с.
18. Мчедлова М. М. Будущее как предчувствие. (К дискуссии о характере политической науки) // *Политическая наука*. – 2018. – № 1. – С. 98–105.
19. Мчедлова М. М. Модернизация: политическая реинтерпретация концептуальных оснований и российский цивилизационный контекст // *Россия реформирующаяся: ежегодник*. Вып. 12 / отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2013. – С. 80–110.
20. Религия в современной России: контексты и дискуссии: моногр. / отв. ред. М.М. Мчедлова. – М.: РУДН, 2019. – 393 с.
21. Современная политическая наука: Методология: Научное издание / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 776 с.
22. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. Т. I. – М.: Мысль, 1988. – С. 47–580.
23. Солоневич И. Л. Народная монархия. – Минск: Лучи Софии, 1998. – 504 с.
24. Сперанский М. М. Проекты и записки. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1961. – 244 с.
25. Степун Ф. А. Большевизм и христианская экзистенция // *Степун Ф. А. Сочинения*. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 557–642.
26. Степун Ф. А. Мысли о России // *Степун Ф. А. Сочинения*. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 201–424.
27. Струве П. Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм*. – М.: Республика, 1997. – 527 с.
28. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ, 1999. – 783 с.
29. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Вильнюс: Тип. «Вильтис», 1991. – 601 с.
30. Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. – 2-е изд., доп. – М.: Современник, 1989. – С. 38–56.
31. Эрвьё-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого Модерна / пер. с фр. // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2015. – № 1 (33). – С. 254–267.
32. Beck, U. *La société du risque: sur la voie d'une autre modernité*. – Paris: Flammarion, 2004.
33. Eisenstadt, Sh. N. The new religious constellations in the frameworks of contemporary globalization and civilizational transformation. In: *World Religions and Multiculturalism* (Eds. E. Ben-Rafael & Y. Sternberg). – Leiden; Boston: Brill, 2010, pp. 21–40.
34. Wilson, B. *Religion in secular society: a sociological comment*. – London: C. A. Watts and Co. Ltd., 1966. 252 p.

References

1. Ahiezer, A. S. (2000). *Mozhno li ponyat' rossiiskoe obschestvo, ne issleduyay ego spetsifiku?* [Is it possible to understand Russian society without examining its specifics?] *Pro et contra*. Vol. 5. No. 4. pp. 199–203. (In Russian).
2. Bauman, Z. (2004). *Globalizatsiya. Posledstviya dlya obschestva i cheloveka* [Globalization. The Human consequences], rus. transl. Moskva: Izdatel'stvo "Ves' mir". 188 p. (In Russian).
3. Berdyaev, N. A. (1997). *Russkaya ideya*. In: *Berdyaev, N. A. Russkaya ideya. Sud'ba Rossii* [Russian idea. Fate of Russia]. Moskva: "Svarog i K". (In Russian).
4. Berdyaev, N. A. (1997). *Sud'ba Rossii*. In: *Berdyaev, N. A. Russkaya ideya. Sud'ba Rossii* [Russian idea. Fate of Russia]. Moskva: "Svarog i K". (In Russian).
5. *Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoi k sovetskoj Rossii* (1996) [Power and reforms. From autocratic to Soviet Russia]. ed. by: B. V. Anan'ich. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin publ. 800 p. (In Russian).
6. Gaman-Golutvina, O. V. (2008) *Novye izmereniya v ponimanii politicheskoi kul'tury: rol' sotsiokul'turnoi sostavlyauschei* [New dimensions in the understanding of political culture: the role of the socio-cultural component] In: *Rossiya v sovremennom dialoge tsivilizatsii* [Russia in the modern dialogue of civilizations] ed. by. A. V. Loginov. Moskva: Kul'turnaya revolutsiya, pp. 99–116. (In Russian).
7. Gaman-Golutvina, O. V. (2019). *Preodolevaya metodologicheskie razlichiya: spory o poznanii politiki v epohu neopredelennosti* [Overcoming methodological differences: debates about policy cognition in an age of uncertainty] *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Political research. No 5. pp. 19–42. (In Russian).
8. Giddens, A. (1999). *Posledstviya modernity* [Consequences of modernity]. rus. transl. In: *Novaya industrial'naya volna na Zapade: Antologiya* [A new post-industrial wave in the West. Anthology], ed. by V. L. Inozemtsev. Moskva: Academia, pp. 101–122. (In Russian).
9. Danilevskii, N. Ya. (1995). *Rossiya i Evropa*. [Russia and Europe]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo St-Petersburg. univ; Izdatel'stvo "Glagol". XXXIV, 513 p. (In Russian).
10. *Dvadsat' pyat' let sotsial'nyh transformatsii v otsenkah i suzhdeniyah rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza* (2018). [Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: experience in sociological analysis], ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moskva: Izdatel'stvo "Ves' mir". 384 p. (In Russian).
11. Il'yin, V. V., Ahiezer, A. S. (1997). *Rossiiskaya gosudarstvennost': istoki, traditsii, perspektivy* [Russian statehood: origins, traditions, prospects]. Moskva: Izdatel'stvo MSU. 384 p. (In Russian).
12. Il'yin, I. A. (1996). *O russkoi kul'ture* [About Russian culture] In: *Il'yin, I. A. Sobranie sochinenii* [Collected works] in 10 vols. Vol. 6. Iss. II. Moskva: Russkaya kniga. (In Russian).
13. Il'yin, M. V. (1999). *Politicheskoe samoopredelenie Rossii* [Political self-determination of Russia]. *Pro et contra*. Vol. 4. No. 3. pp. 14–33. (In Russian).
14. Inglehart, R. F. (2010). *Modernizatsiya i demokratiya* [Modernization and democracy] In: *Demokratiya i modernizatsiya. K diskussii o vyzovah 21 veka* [Democracy and modernization. To discuss the challenges of the 21st century], ed. by V. L. Inozemtsev. Moskva: Izdatel'stvo "Evropa". (In Russian).

15. Kluchevskij, V. O. (1989). *Sochineniya* [Collected works]: in 9 vols. Vol. 4, ed. by V. L. Yanin. Moskva: Mysl'. 398 p. (In Russian).
16. Kluchevskij, V. O. (1989). *Sochineniya* [Collected works]: in 9 vols. Vol. 5, ed. by V. L. Yanin. Moskva: Mysl'. 398 p. (In Russian). 476 p. (In Russian).
17. Milukov, P. N. (1994). *Ocherki po istorii russkoi kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]: in 3 vols. Vol. 2. Moskva: Progress. 491 p. (In Russian).
18. Mchedlova, M. M. (2018). *Budushee kak predchuvstvie. (K diskussii o haraktere politicheskoi nauki)* [The future as a premonition. (To a discussion of the nature of political science)] *Politicheskaya nauka* [Political science]. No. 1. pp. 98–105. (In Russian).
19. Mchedlova, M. M. (2013). *Modernizatsiya: politicheskaya reinterpretatsiya kontseptual'nykh osnovanii i rossiskii tsivilizatsionnyi kontekst* [Modernization: political reinterpretation of conceptual foundations and the Russian civilizational context]. In: *Rossiya reformiruyuschayasya: ezhegodnik. Vypusk 12* [Russia reforming: Yearbook. Issue 12], ed. by M. K. Gorshkov. Moskva: Novyi hronograf, pp. 80–110. (In Russian).
20. *Religiya v sovremennoi Rossii: konteksty i diskussii* (2019) [Religion in modern Russia: contexts and discussions], ed. by M. M. Mchedlova. Moskva: RUDN Univ. press. 393 p. (In Russian).
21. *Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya* (2019) [Modern political science: Methodology], ed. by O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. 2nd ed., rev. Moskva: Aspekt-press. 776 p. (In Russian).
22. Solov'yev, V. S. (1988). *Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya* [Justification for Good. Moral philosophy] *Solov'yev, V. S. Sochineniya* [Collected works]: in 2 vols. Vol. I. Moskva: Mysl'. pp. 47–580. (In Russian).
23. Solonevich, I. L. (1998). *Narodnaya monarhiya* [The people's monarchy]. Minsk: Luchi Sofii. 504 p. (In Russian).
24. Speranskii, M. M. (1961). *Proekty i zapiski* [Projects and notes]. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR (Leningrad branch). 244 p. (In Russian).
25. Stepun, F. A. (2000). *Bolshevizm i christianskaya ekzistentsiya* [Bolshevism and Christian existence] In: *Stepun, F. A. Sochineniya* [Collected works]. Moskva: ROSSPEN, pp. 557–642. (In Russian).
26. Stepun, F. A. (2000). *Mysli o Rossii* [Thoughts about Russia] In: *Stepun, F. A. Sochineniya* [Collected works]. Moskva: ROSSPEN. pp. 201–424. (In Russian).
27. Struve, P. B. (1997). *Patriotica: Politika, kul'tura, religiya, sotsializm* [Patriotica: Politics, culture, religion, socialism]. Moskva: Respublika. 527 p. (In Russian).
28. Toffler; A. (1999). *Tret'ya volna* [The Third Wave], rus. transl. Moskva: Izdatel'stvo AST. 783 p.
29. Florovskii, G. (1991). *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Vil'nus: "Vil'tis". 601 p. (In Russian).
30. Chaadaev, P. Ya. (1989). *Filosoficheskie pis'ma. Pis'mo pervoe* [Philosophical letters. The first letter] *Chaadaev, P. Ya. Stat'i i pis'ma* [Articles and letters]. 2nd ed. Moskva: Sovremennik, pp. 38–56. (In Russian).
31. Hervieu-Léger, D. (2015). *V poiskah opredelennosti: paradoksy religioznosti v obschestvakh razvitogo moderna* [In search of certainties: The paradoxes of religiosity in societies of high Modernity]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. [State, Religion and Church in Russia and abroad]. Vol. 33. No. 1. pp. 254–267. (In Russian).

Философская антропология, философия культуры
Philosophical anthropology, philosophy of culture

32. Beck, U. (2004). *La société du risque: sur la voie d'une autre modernité*. Paris: Flammarion.

33. Eisenstadt, Sh. N. (2010). The new religious constellations in the frameworks of contemporary globalization and civilizational transformation. In: *World Religions and Multiculturalism* (eds. E. Ben-Rafael & Y. Sternberg). Leiden; Boston: Brill, pp. 21–40.

34. Wilson, B. (1966) *Religion in secular society: a sociological comment*. London: C. A. Watts and Co. Ltd. 252 p.

Об авторе

Мchedлова Мария Мирановна, доктор политических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Исследовательский центр «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-4635-1741, e-mail: mchedlova_mm@rudn.ru

About the author

Maria M. Mchedlova, Dr. Sci. (Polit.), Professor, RUDN University, Research Center “Religion in Contemporary Society” Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moskva, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-4635-1741, e-mail: mchedlova_mm@rudn.ru

Поступила в редакцию: 22.07.2020

Received: 22 July 2020

Принята к публикации: 24.08.2020

Accepted: 24 August 2020

Опубликована: 14.09.2020

Published: 14 September 2020